

УДК 82.0

А. С. Кондакова,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: д-р филол. наук, доц. Э. И. Коптева

Ф. М. Достоевский и духовная ода XVIII века: постановка проблемы

В работе поставлена проблема трансформации проблематики и поэтики русской духовной оды XVIII в. в творчестве Ф. М. Достоевского, в том числе в романе «Братья Карамазовы»; осмысливается наследование художественных принципов изображения человека и мира в национальной литературной традиции.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Г. Р. Державин, М. В. Ломоносов, «Братья Карамазовы», лирика, духовная ода, христианство.

В настоящее время проблема влияния духовных од М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина на творчество Ф. М. Достоевского не изучена в литературоведении, поэтому целью этой работы будет лишь постановка вопроса о возможности такого воздействия. Тем не менее требуется обратить внимание на некоторые упоминания о данной проблеме учеными. Как верно отмечает Г. Н. Ионин, «...державинское влияние, тайно и явно (чаще всего опосредованно) может быть обнаружено и в прозе XIX в. — Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой...» [6, с. 59].

На наш взгляд, оказанное Державиным и Ломоносовым воздействие существенно глубже, чем просто прямая цитация или поверхностные упоминания; важно поставить вопрос о близости мировоззрений авторов, сходстве образов, тем, мотивов — это при том, что произведения их относятся к разным родам литературы.

Обратимся к предсмертной речи старца Зосимы из романа Достоевского «Братья Карамазовы». Для начала следует сказать, что старца Зосиму во многом сопоставляют со святым Франциском Ассизским, а в данной речи находят сближения с «Солнечным гимном» святого [1, с. 349].

Мы полагаем, что помимо этого существует еще один возможный источник этой речи. Лирический восторг перед всем, что существует вокруг, обращение к теме духовной жизни, выраженный религиозно-философский характер повествования создают удивительные сближения с духовными одами — Ломоносова и Державина. Орелом смыслов окружен образ «песчинки»: «Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку» [4, с. 289]. В этой почти проповеднической фразе отражено особое мировосприятие:

целое сопоставляется с малым, и наоборот; более того, в микрокосме отражается макрокосм. Подобный образ мысли сходится с тем, что мы видим в поэзии Ломоносова, однако его лирический субъект остро ощущает большие различия между собою — «песчинкой» и огромной бездной. Тем не менее человек является одновременно и песчинкой, и носителем Божьего духа: «Песчинка как в морских волнах, / Как мала искра в вечном льде, / Как в сильном вихре тонкой прах, / В свирепом как перо огне, / Так я, в сей бездне углублен, / Теряюсь, мыслями утомлен» (М. В. Ломоносов «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого Северного сияния», 1743) [7, с. 205].

Подобное беспокойство «песчинки» перед пугающей бездной наблюдаем и у Г. Р. Державина в оде «Успокоенное неверие»: «Младенец лишь родится в свет, / Увы! увы! он вопиет, / Уж чувствует свое он горе; / Низвержен в треволненное море, / Волной несется чрез волну, / Песчинка, в вечную глубину» (1779) [2, с. 7].

У лирических «я» Ломоносова и Державина, в речи старца Зосимы из произведения Достоевского Бог в итоге становится источником душевного покоя. Мы видим, что движение поэтической мысли у Ломоносова и Державина идет от преодоления страха перед бездной к успокоению благодаря Божьему присутствию. Это Божье присутствие является как бы синтезом предварительных рассуждений. В речи старца Зосимы такой явной антитезы нет: спокойствие в ней выражено как бы изначально (хотя, безусловно, и они порождены длительным жизненным путем старца). М. Ю. Елепова, подробно анализируя «Размышления» Ломоносова, выявляет интересную закономерность:

«Его разум восходит от видения земной природы к духовному созерцанию, от земного вдохновения к богодухновенности...» [5, с. 89] Мы наблюдаем, что речь старца Зосимы исполнена глубоко лирическим и даже восторженным чувством. В. Н. Сузи отмечает, что «“Восторг” Зосимы... не “надрыв”, а “веселие сердца”...» [8, с. 445]

Продолжая анализ речи старца Зосимы, замечаем в её финале переход с изображения уровня Божьего мира и человека на уровень еще миров иных: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горным и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и взошло всё, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным миром иным, если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращается в тебе» [4, с. 290].

Подобное ощущение связи «я» с мирами иными, непостижными человеку, присуще и Державину: «Я связь миров, повсюду сущих, / Я крайняя степень вещества»; «Частица целой я Вселенной» [3, с. 57]. Человеку свойственна память о горнем мире, и эта идея позднее будет воплощена и в творчестве поэтов-романтиков, лирические герои которых тоскуют по своей небесной жизни, чьи отблески присутствуют в чувстве невыразимого (как, например, в стихотворении В. А. Жуковского «Невыразимое»).

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что Ломоносов и Державин входили в круг чтения Достоевского. Христианская направленность духовных од сближается с той, что обнажается в речи старца Зосимы. Но эта направленность конкретизирована: она воплощена в конкретных образах, аллюзиях, цитатах, которые повторяются у Достоевского едва ли не дословно, поэтому мы считаем, что относительно проанализированных текстов правомерно говорить и о прямом воздействии русской духовной оды на творческое сознание писателя.

1. *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». — СПб. : Пушкинский Дом, 2007. — 640 с.
2. *Державин Г. Р.* Духовные оды. — М. : Ключ, 1993. — 95 с.
3. *Державин Г. Р.* Сочинения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Г. Н. Ионина. — СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. — 712 с.
4. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) [и др.]; ИРЛИ. Т. 15. Братья Карамазовы. Кн. 11–12. Эпилог. Рукописные ред. / текст подгот. и примеч. сост. А. И. Батюто [и др.]. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. — 624 с.
5. *Елепова М. Ю.* К вопросу о жанровой природе духовных од М. В. Ломоносова // Вестн. Север. (Аркт.) федер. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 3. — С. 88–93.
6. *Ионин Г. Н.* Гоголь и Державин (к постановке вопроса) // *Universum: Вестн. Герцен. ун-та.* — 2009. — № 7 (69). — С. 59–61.
7. *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. — Л. : Советский писатель, 1986. — 552 с.
8. *Сузи В. Н.* Серафический старец в «Братьях Карамазовых»: проблемные аспекты // Проблемы исторической поэтики. — 2008. — № 8. — С. 437–447.